

**ТОЛЬКО
ХОРОШИЕ
ИНДЕЙЦЫ**

STEPHEN GRAHAM
JONES

THE ONLY
GOOD INDIANS

СТИВЕН ГРЭМ
ДЖОНС

ТОЛЬКО
ХОРОШИЕ
ИНДЕЙЦЫ

INSPIRIA

МОСКВА
2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д42

Stephen Graham Jones
THE ONLY GOOD INDIANS

Copyright © 2020 by Stephen Graham Jones

Иллюстрации на обложке, полусупере и титуле *Ольги Закис*

Д42 **Джонс, Стивен Грэм.** Только хорошие индейцы / Стивен Грэм Джонс ; [перевод с английского Н. Ибрагимовой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-115368-7

Четыре друга детства встречаются каждый год. Они устраивают охоту на оленя, чтобы забыть об этом до следующего года. Обычное дело, обычный трофей – так было всегда. До этого раза.

Прошло десять лет. Что-то начинает преследовать этих забывших свое наследие людей. Свирепый мстительный дух приходит к каждому, к одному за другим.

Природа мстит потерянному поколению, у которого и так нет ни шанса.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Н. Ибрагимова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-115368-7

ПРОЛОГ

Заголовок заметки о Ричарде Боссе Рибсе был бы таким:

«ИНДЕЕЦ УБИТ ВО ВРЕМЯ СТЫЧКИ ВОЗЛЕ БАРА»

Можно и так сказать.

Рикки нанялся на работу в буровую бригаду в Северной Дакоте. Поскольку он был там единственным индейцем, его нарекли Вождем. А поскольку он был еще и новичком и, вероятно, не собирался задержаться надолго, именно его отправляли вниз регулировать натяжение цепи бура. Каждый раз, когда он возвращался, не потеряв ни единой конечности, он показывал большие пальцы всем на платформе, демонстрируя, что с его удачей ему ничего не грозит.

Рикки Босс Рибс.

Он смылся из резервации внезапно, когда его младший брат Чито умер от передоза в чужой гостинице; Рикки сказали, что телевизор там был настроен на канал, который просто все время показывал парковку у местного продуктового магазина. Рикки никак не мог избавиться от мысли о том, что этот канал смотрят только самые старые из старейшин. Такая жизнь все

время напоминала о том, какой дерьмовой была резервация, такой тоскливой и никудышной. А его младший брат почти не смотрел даже нормальных каналов и не мог долго усидеть перед ящиком, он бы скорее листал комиксы.

Вместо того чтобы тащиться окольной дорогой в похоронной процессии и торчать на семейном участке кладбища позади Восточного Глейшера, за которым все припарковали свои машины на лесовозной дороге позади него, чтобы потом развернуться, подъехав прямо к могилам, Рикки сбежал в Северную Дакоту. Он планировал попасть в Миннеаполис — он там знал кое-кого из парней, — но на полпути туда узнал, что нефтяникам на буровую требуются рабочие, предпочтительно индейцы, потому что те от природы устойчивы к холоду. И поэтому они, возможно, не сбегут зимой.

Рикки во время разговора с мастером в оранжевом трейлере-бытовке кивнул, подтверждая эти домыслы. Черноногим плевать на холод, и — нет, он не сбежит от них в середине недели, бросив бригаду недоукомплектованной. Он умолчал лишь о том, что устойчивость к холоду приобретается не потому, что у тебя хреновая куртка, а просто через какое-то время перестаешь жаловаться на холод, так как от этого теплее не становится. И еще не сказал, что, получив первый зарплатный чек, он уедет в Миннеаполис, и поминай как звали!

Мастер, который с ним беседовал, был толстяком с обветренным лицом, светлыми волосами и жесткой бородой, похожей на проволочную губку для посуды. В тот момент, когда он потянулся через стол, чтобы

ТОЛЬКО ХОРОШИЕ ИНДЕЙЦЫ

пожать Рикки руку, и посмотрел ему в глаза, современный мир на долгое мгновение куда-то исчез, и эти двое перенеслись в брезентовую палатку: мастер был облачен в мундир кавалериста, и Рикки уже положил глаз на медные пуговицы его мундира. В тот момент он совсем не думал о бумаге на столе между ними, на которой только что поставил свою закорючку.

В последние несколько месяцев это случалось с ним все чаще и чаще. С той самой неудачной охоты прошлой зимой и до этого собеседования, и не прекратилось даже со смертью Чито на том диване.

Свое имя Чито получил не при рождении, но из-за веснушек и копны ярко-рыжих волос от этого прозвища ему так и не удавалось избавиться¹.

Рикки думал о том, как прошли похороны. Он гадал, стоит ли там сейчас большой чернохвостый олень, прижавшись носом к ограде из мелкой сетки, вокруг мертвых индейцев. И что на самом деле видит тот большой олень-мул, и не ждет ли он, пока все эти двуногие не уйдут?

Чито бы подумал, что это красивый олень, решил Рикки. Мальчишкой он никогда не соглашался вставать рано вместе с Рикки, чтобы пойти в лес на рассвете. Ему никогда не хотелось кого-нибудь прикончить, за исключением банок с пивом. Возможно, он стал бы вегетарианцем, если бы в резервации такое было возможно. Его ярко-рыжие волосы и без того служили мишенью для шуточек, и вздумай он питаться кроличьей едой, из тупых индейцев, жаждущих над ним поиздеваться, выстроилась бы целая очередь.

¹ Cheetah (англ.) — гепард.

Но он все равно умер на том диване, даже не от чьей-то руки, просто сам наложил на себя руки, и после этого Рикки решил, что тоже выберется оттуда, пропади все пропадом. Конечно, он поработает «цепной обезьяной»¹ бригады недельку-другую. Да, он не против ночевать вчетвером с белыми парнями в покачивающемся на ветру трейлере. Нет, он не против того, чтобы быть Вождем, хоть и понимал: окажись он здесь в те времена, когда индейцы совершали набеги и загоняли бизонов, он и тогда был бы мелкой сошкой. Каким бы ни был эквивалент «цепной обезьяны» во времена стрел и лука, Рикки Босс Рибс занял бы именно это место.

В детстве он видел в библиотеке книжку с картинками о Разбитых Головах, или как там они назывались, — книжку об охоте на бизонов, как в старину индейцы из племени черноногих гнали одно стадо за другим к обрыву, с которого те и прыгали. Рикки помнил, что тем парнем, который набрасывал на плечи шкуру и бежал впереди бизонов, становился победитель соревнований по бегу, устраиваемых старейшинами между всеми мальчишками. Еще он лучше всех лазил по деревьям, потому что нужно быть не только очень быстрым, чтобы мчаться перед многотонной массой мяса, но и обладать крепкой хваткой, чтобы в последний момент в прыжке со скалы ухватиться за веревку, которую заранее оставили там мужчины, и повиснуть на ней под обрывом, в безопасном месте.

¹ Регулировщик натяжения цепи бура.

ТОЛЬКО ХОРОШИЕ ИНДЕЙЦЫ

Каково было сидеть там, пока бизоны, вытянувшие вперед ноги в ожидании приземления, с мычанием проплывали по воздуху вниз на расстоянии вытянутой руки?

Что ты чувствовал, когда добывал мясо для всего племени?

Они почти сделали это в прошлый День благодарения: он, и Гейб, и Льюис, и Касс, они намеревались это сделать, собирались хоть раз стать индейцами-добытчиками, планировали показать всем в Браунинге, как это делается, но потом повалил густой, мокрый снег, и все покатило к чертям, а Рикки оказался здесь, в Северной Дакоте, как будто не мог придумать ничего лучше, чем явиться сюда из холода.

Проклятие.

В Миннеаполисе он собирался добыть себе только тако¹ и постель.

Но пока что сойдет и пиво.

Бар был битком набит исключительно рабочими с буровой. Пока никаких драк, но все еще впереди. Там был еще один индеец, кажется, из племени дакота, он сидел в углу возле бильярдных столов, обхватив руками бутылку. Он кивнул Рикки, и Рикки кивнул в ответ, но у этих двоих было так же мало общего, как у Рикки с его бригадой.

Его внимание больше привлекала блондинка-официантка, лавирующая с подносом пустой посуды в гуще толпы. Пятьдесят пар глаз следили за ней с одобрением.

¹ Мексиканский пирожок из кукурузной лепешки с начинкой из мясного фарша с помидорами и овощами.

Рикки она показалась похожей на ту высокую девушку, с которой Льюис в июле сбежал в Грейт-Фоллз, но она, наверное, уже бросила его, а значит, сейчас Льюис сидит в точно таком же баре, как этот, и точно так же сдирает со своего пива этикетку.

Рикки поднял свою бутылку, приветствуя его через все мили между ними.

Четыре бутылки и девять песен кантри спустя он встал в очередь в мужской туалет. Вот только эта длинная очередь уже протянулась через весь зал, и в прошлый раз он видел, что некоторые парни мочились и в мусорные урны, и в раковину. Воздух был настолько едкий и затхлый, что едва ли не хрустел у Рикки на зубах, когда он случайно открывал рот. Здесь было не хуже, чем в сортире на буровой, но там можно просто расстегнуть молнию на ширинке в любом месте и облегчиться.

Рикки вышел из очереди и допил свое пиво, потому что копам дай только волю поймать индейца с пивной бутылкой в толпе возле бара, и стал пробираться к выходу, чтобы глотнуть свежего воздуха и облюбовать какой-нибудь столб, который срочно нужно полить.

У выхода вышибала хлопнул своей мясистой ладонью по груди Рикки, посоветовал пока не выходить и добавил что-то насчет подсчета по головам и целой пожарной команды.

Рикки посмотрел в открытую дверь на толпу буровых рабочих и ковбоев, ожидающих возможности войти в бар; они сверкали на него глазами, но ни о чем не просили. Эту очередь ему пришлось бы потом растолкать или опять ждать возможности попасть внутрь.

ТОЛЬКО ХОРОШИЕ ИНДЕЙЦЫ

Но выбирать времени уже нет. Еще минута-две — и из него польется так, что по-любому надо оказаться в каком-нибудь месте, где он сможет это сделать, не обгадив одежду.

Он наверняка способен отстоять полчаса в очереди, чтобы еще немного поглазеть на ту блондинку-официантку. Рикки боком протиснулся мимо вышибалы, кивнув в знак того, что знает что делает, и какой-то рабочий сразу же занял его место.

Даже не было времени притормозить рядом с баром, поднять лапу и помочиться на кучу дымящихся мешков возле мусорных баков. Рикки просто двинулся вперед, прямо к грузовикам с буровой, припаркованным более или менее ровными рядами, и его прорвало на ходу, не успел он остановиться. Ему даже пришлось слегка откинуться назад: струя била, как из пожарного шланга.

Он зажмурился, охваченный таким наслаждением, какого давно не испытывал, а когда открыл глаза, то понял, что он здесь уже не один.

И приготовился дать отпор.

Только глупые индейцы пытаются прошмыгнуть мимо банды крутых белых парней, каждый из которых уверен, что место, которое ты занимал в баре, должно по праву принадлежать ему. Белые спокойно относятся к Вождю, который регулирует натяжение цепей в бригаде, но когда речь заходит о том, кому позволено глазеть на белую женщину, ну, это уже совсем другое дело.

«Глупец, — сказал себе Рикки. — Глупец, глупец, глупец».

Он взглянул вперед, на капот, через который собирался перевалить, скользнув на бедре, на кузов грузовика, который, он надеялся, не набит доверху всякими железками, о которые он может сломать лодыжки, потому что он уже собирался туда рвануть. Группа белых парней может избить индейца до полусмерти, да, нечего и сомневаться, в здешних горах такое случается каждые выходные. Но сперва им надо его схватить.

А теперь, когда, по его прикидкам, он стал легче на целых три фунта жидкости и быстро трезвеет, ни один из них, даже если он бывший чемпион по бегу, и пальцем не ухватит Рикки за рубашку.

Рикки улыбнулся сам себе плотно сжатыми губами, кивнул, подбадривая себя и перебирая в уме все ружья, хранящиеся за сиденьем его грузовика, оставленного на буровой. Когда он сбежал из резервации, он забрал их все, даже ружья дядюшек и деда — они все стояли в одном чулане у входной двери, — а потом еще захватил большой мешок с разнокалиберными патронами, решив, что некоторые из них должны к ним подойти.

Идея заключалась в том, что в Миннеаполисе ему понадобятся деньги на первое время, а ружья превращаются в наличные быстрее, чем любой другой товар. Но потом он нашел работу по пути туда. И задумался о том, что дядюшкам нужно будет заполнить морозильник припасами на зиму.

Рикки дал себе обещание вернуть все ружья по почте на обширной парковке бара для буровиков в Северной Дакоте. Но не придется ли разобрать их на части и отправить в отдельных свертках, чтобы ружья перестали быть ружьями?

ТОЛЬКО ХОРОШИЕ ИНДЕЙЦЫ

Рикки этого не знал, но точно понимал, что в данный момент ему не помешало бы помповое ружье калибра .30-06. Пострелять, если дело дойдет до этого, но главным образом просто резко повернуться и оставить полукруглые отпечатки ружейного ствола на щеках, на лбу и на грудных клетках, а для челюстей идеально подойдет конец приклада.

Может, ему и придет конец на этой парковке в луже собственной мочи, но, по крайней мере, чумазные белые парни запомнят этого черноногого и в следующий раз дважды подумают, увидев другого индейца в их баре.

Жаль, Гейба нет рядом. Гейб любил такие стычки — он играл в ковбоев и индейцев на всех парковках в мире. Он бы издал свой дурацкий боевой клич и просто бросился драться как черт. Он как будто уносился на сто пятьдесят лет назад и проживал так каждый день своей нелепой жизни.

Но когда ты с ним, с Гейбом... Рикки прищурил глаза, снова кивнул сам себе, собираясь с силами. Он должен сделать вид, постараться быть похожим на Гейба. Когда Рикки был с Гейбом, ему всегда хотелось издать такой же боевой клич, чтобы, когда он повернется лицом к этим белым парням, он почувствовал себя с томагавком в руке. Почувствовал, что его лицо разрисовано резкими, грубыми черно-белыми узорами и, может, с одной-единственной красной полосой справа шириной в палец.

Года летят, приятель.

— Так, — произнес Рикки, сжимая руки в кулаки. Его грудь уже вздымалась, он обернулся, чтобы по-

кончить с этим, стиснул зубы, не боясь предстоящего удара.

Но... никого?

— Что за?.. — произнес Рикки и осекся, потому что там все-таки что-то *было*.

Огромный темный силуэт, перебирающийся через совершенно неуместный жемчужно-белый «Ниссан».

Не лошадь, словно ударом промелькнуло у него в голове. Рикки невольно улыбнулся. Это же вапити¹? Большой, упитанный молодой олень, у которого ума не хватило понять, что сюда ходят люди, а не животные. Он один раз фыркнул и перепрыгнул на грузовик справа от него, оставив на красивом, обтекаемом капоте маленького «Ниссана» вмятину, из-за которой его края загнулись кверху, как у лепешки тако. Но, по крайней мере, автомобиль стерпел это молча. Тот грузовик, на который обрушился вапити, не выдержал такого оскорбления, и его сигнализация пронзительно завизжала, да так громко, что олень сиганул вниз на все четыре копыта. Вместо того чтобы выбрать один из двадцати логичных путей спасения от этого звука, он прыгнул через капот орущего грузовика в промежуток между ним и следующим автомобилем.

А после пьяный олененок врезался в еще один грузовик, а потом и в следующий.

Все сигнализации взвыли, фары замигали.

— Что на тебя нашло, приятель? — спросил потрясенный Рикки у вапити.

¹ Североамериканский благородный олень.

ТОЛЬКО ХОРОШИЕ ИНДЕЙЦЫ

Но он быстро пришел в себя. Молодой вапити развернулся и помчался по проходу между автомобилями, пригнув рогатую голову, как зрелый самец, прямо на стоящего там Рикки...

Рикки отпрыгнул в сторону и налетел на еще один грузовик, включив тем самым еще одну противобуксовочную сигнализацию.

— Что тебе от меня нужно? — крикнул Рикки оленю и потянулся к платформе ближайшего грузовика. Он нащупал огромный серпообразный гаечный ключ и решил, что тот послужит хорошим средством защиты. По крайней мере, он на это надеялся.

Неважно, что вапити был тяжелее его на целых пятьсот фунтов.

Неважно, что олени так не поступают.

Когда он услышал дыхание вапити у себя за спиной, он обернулся, одновременно замахиваясь, и поднятый над его головой гаечный ключ врезался в боковое зеркало высокого «Форда». Сигнализация большого грузовика взвывала, вспыхнули все фары и подфарники, и когда Рикки оглянулся на топот копыт за спиной, то на этот раз это были не копыта, а сапоги.

Это были все рабочие буровой и кувбои, которые стояли в очереди в бар.

— Он... он... — сказал Рикки, держа гаечный ключ наподобие колотушки для шин, а каждый второй грузовик рядом с ним мигал огнями от боли и демонстрировал только что полученные повреждения. Он тоже их видел, и видел то, что видели они: этого индейца только что обидели в баре, он не знал, где чей грузовик, поэтому выместил свою обиду на всех грузовиках на парковке.